

Новая – масштабная – книга Кати Капович «Город неба» несёт в себе тяжесть существования, тяжесть жизненной драмы, которая заполнена цепкой памятью автора. При всём том, что в её стихах много жёсткости, противостоящей жестокости мира, эти стихи наполнены особым светом, возникающим в душе благодарного читателя. Это волшебство преобразования боли в свет – характерная черта творчества Капович, объяснимая человеческими качествами автора и мировидением автора, сквозь призму поэтического взгляда которого воспринимаем мы окружающую нас жизнь. Перед нами – роман в стихах лирического происхождения, дневник автора, картина человеческой жизни, история поколения, охватывающая несколько жизненных пластов и узнаваемая не только поколением, которому

принадлежит поэт.

Вот первые признаки зарождения личностного самосознания Капович, сохранённые её памятью:

Я родилась, когда мне было три,
нашедши краба под приморским камнем.
Он мёртвый был, смотрели изнутри
его глаза с холодным пониманьем.

Я думала: он снова оживёт,
и полила его водой из лейки,
но панцирь, как спасательный жилет,
оранжевым блеснув, померк навеки.

Трусы в намокшей тине, вьётся гнус,
в песке моя остриженная репа.
Я буду жить, и я не оглянусь
туда, где он лежит и смотрит в небо.

Это сказано о том трагическом восприятии смерти, с которым рано или поздно сталкивается ребёнок, без чего невозможно становление личности. Вспоминается небольшая картина неизвестного фламандского мастера «Девочка с мёртвой птичкой», если я не ошибаюсь в названии. Печальное недоумение ребёнка, на ладони которого лежит мёртвая пичуга. Свойство поэтики Капович – находить образ, метафору, воображение читателя, – удивительное в своей простоте поэтического высказывания. Ей не надо подстраиваться под восприятие умудрённого стиховеда или под восприятие случайно забредающего в книгу неосведомлённого читателя. Она – о чём-то своём, а читатель, отталкиваясь от своего, проникается тем, что волнует автора, что открывается ему близким, понятным и важным.

Я не мог не обратить внимание на реплику автора предисловия к книге Капович Дмитрия Быкова: «Есть даже теория, что её нарочито бедная, а то и небрежная рифма тоже выражает бедность (и небрежность) всякой судьбы».

Дело в том, что я несколько раз наивно высказывался на эту тему, защищая автора от упреков в приблизительности, неточности её рифмовки, объясняя это авторским приёмом, вызывающим обострённое внимание читателя к содержанию стихотворения, дескать, царапающая рифма не позволяет читательскому сознанию скользить по гладкописи.

Быков же точно и убедительно предложил иной взгляд на поэтику Кати Капович: «... но тут уж, я думаю, дело в другом: Капович пишет так давно, а начинала так сильно, что она может позволить себе истинную виртуозность, то есть отсутствие всякой виртуозности. Позировать перед читателем ей совершенно незачем, ей дорог живой

контакт с собеседником».

Не могу не согласиться с этим суждением. Сила Капович в том, что она цепким взглядом схватывает жизненные коллизии, выхватывает детали событий, картин проживаемой жизни:

Средь современников чужак,
вот так и должен жить писатель,
бродить в некошенных полях,
весёлый травник, собиратель
людей, пейзажей, света, тьмы,
росы на башмаках и пыли –
всего, чем жили в мире мы,
когда на этом свете жили.

Здесь нет и нотки высокомерия, отстранённости от общей жизни, это осознание своей миссии – сказать о нас, за нас, сохранить наши печали и радости. Она замечает:

Уходит всё, что я любила,
в рассеянную синеву,
как будто парус белокрылый,
со всем прощаясь наяву.

Именно этим желанием зафиксировать всё, что хранит её память в мельчайших деталях, объясняется её внимание ко всему пережитому и переживаемому:

Я прошла своё время насквозь,
словно стенку фанерную – гвоздь,
от горячего юга к Уралу,
до железных расплющенных гор
с минералами утренних зорь
и закатами цвета коралла.

В путеводных заметках – стихи,
много разной смешной чепухи:
дни рождений, попойки, женитьбы,
города, где цепочки дверей
нас держали за диких зверей.
Постучу о косяк – не забыть бы.

Капович одинаково точна и выразительна в стихах, отражающих картины больших исторических сдвигов, и в стихах, обращённых к явлениям и фактам повседневности, она прекрасно выступает в роли бытописателя:

Они встречаются тайком,
идут к нему после работы
и яблочный пирог с чайком
едят в сырые непогоды.

Целуются возле трюмо,
он ей расстегивает платье,
что на пол падает само
для общего мероприятия.

В кровати, узкой для двоих,
трясутся тайные пружины.
Смешно трюмо глядит на них –
на торс усталого мужчины...

...Встает, откидывает плед,
ей платье подает, вздыхает.
Худой мужчина средних лет,
сейчас он молнию затянет.

В прямоугольнике окна
они стоят, обнявшись снова.
И блещет молния – она
не видит ничего плохого.

Автор далёк от того, чтобы навязывать читателю своё понимание происходящего, однако находит неброскую, но убедительную метафору, подчёркивающую авторскую позицию. Молния, читай: природа, не видит в ней ничего плохого. Драма жизни происходит, независимо от наших рассуждений, упрёков или защищающих эту драму деклараций. Жизнь требует бытового мужества, с которым воспринимаются возникающие проблемы.

Катя Капович прожила разное время в разных странах. Она хорошо понимает, что жизнь везде сложна и драматична, что нет нигде беззаботного рая, но печаль её о другом:

Мы чужие там и чужие здесь,
мы чужие везде, где есть.

Но чужее всего в этой жизни
мы в своей окаянной отчизне.

Её боль и печаль о России носит сложный характер. Она многое помнит. И немало строк этой памяти связаны чувством искреннего тепла. Но и забыть то, чего забывать нельзя, она себе не позволит. Многие её стихи обладают свойством цикличности, связывая её книгу в

одно целое и цельное. Но это не повторы тем, а их развитие, которое держит наше внимание:

Говорил мне один в пиджаке цвета пыли,
назидательно щурясь в худое досье
под мигающей лампочкой в Нижнем Тагиле:
«Почему же ты, сволочь, не хочешь, как все?»

...Завтра выведут в снегом засыпанный дворик,
доведут до вокзала, посадят в вагон,
и рукой мне махнёт отставной подполковник,
оставаясь в краю мотыльковых погон.

Буду ехать вдоль родины в общем вагоне,
засыпать головой на трескучем окне,
просыпаться в ночи головою в ладони,
и приснится печальная родина мне.

Это тоже печальный опыт не одного поколения. Он до сих пор не даёт народу изжить эту боль и примирить обе стороны. И эта общая трагедия нашла отражение в стихах, вызванных к жизни трёх поколений её семьи. В приведённом выше отрывке сказался её личный опыт. А вот строки из стихотворения «Космополит»:

Когда идёт по улице пехота,
вернувшаяся с маленькой войны,
и теплятся глаза у патриота
слезою умиленья без вины,

тогда стою с закушенной губою
и долго не могу согнать с лица
усмешку, по наследственной кривую,
подсмотренную в детстве у отца.

Так до него, разумный обыватель,
мой дед высокомерно морщил нос,
когда его по среднерусской карте
тащил тифозный паровоз.

Там конвоир входил в вагон зелёный,
наган с отяжкой приставлял к виску
профессора истории, шпиона
английского. Там длинный лес в снегу.

Вслед деду и отец прошёл свой путь страданий. У автора есть в этой книге несколько горьких стихотворений, наполненных болью и печалью. Вот стихотворение «Арест», посвящённое памяти отца:

Они за ним пришли в начале года,
когда светились ёлочки в домах
и белым цветом красила природа
дворы зимы и улицы впотьмах.

Из камеры таскали на допросы.
Там лейтенант в подпите по ночам
срывал свои советские неврозы,
подобно всем на свете палачам...

...Вы видели толпу мужчин небритых
с синюшными разводами у глаз
после ночей бессонных, после пыток? —
На них нельзя смотреть, не покрестясь.

На остановках кто-то миски лижет,
а он писал домой: всё ничего.
И номер двадцать пятый чётко вышит
был на спине несгорбленной его.

И здесь голос поэта звучит определённо и бескомпромиссно,
исчерпывающим ответом тем, кому не понять этих боли и печали:

Я при слове «ностальгия»
вижу времена глухие,
всю советскую муру:
папу возят на допросы,
я таскаю папиросы
на свидания в тюрьму.

Там такие были лица,
будто век прошёл в темнице
и обуглились черты.
Там ковались приговоры,
кто — на нары до упора,
кто — в афганские ряды.

Можно бы не продолжать эту трагическую тему всенародного
раскола, если бы она была исчерпана. Если бы возникший ветер
перемен, несущих надежду, не улёгся и не исчез:

В тетради я рисую виселицу
и вешаю по одному:
сначала школьную учительницу,
потом огромную страну.

Страну невыносимой тяжести,
учительницу мёртвых фраз,

и пусть гуляет, к общей радости,
моя тетрадка напоказ.

А я за все свои художества
из класса выгнана, пойду,
про вечную свободу творчества
вслух размышляя на ходу.

Удивительна интонация, свойственная стихам Кати Капович. Она никогда не форсирует эту свою интонацию, не повышает тона. Это не может не вызвать доверия читателя: за сдержанностью и внешним спокойствием стихотворной речи поэта звучит точность и убедительность авторской регистрации жизненных явлений. Она никогда не фальшивит. Её стихи несут в себе печать достоинства. Она знает, кому и за что предъявляет свой счёт свидетельницы времени. Мир сложен, его кинолента не чёрно-белая проекция жизни. Капович с достоинством ощущает своё право судить тех, кто не даёт свободно дышать человеку. Тем дороже её сдержанная растерянность, когда перед ней возникает образ негероического человека, который по-своему, как сумел, прошёл по жизни, стараясь не вызывать на себя внимание «гадов», как называет Капович душевателей правды и свободы. Тут она не судит, хотя такое право у неё есть:

Говорят, он человек был скучный,
не чурался с подлецами дружбой,
послужил официальной власти,
промелькнула жизнь, как в самотёке,
выжили пронзительные строки,
почитай их, если хочешь счастья.

Видно, так устроено всё в мире:
жизнь, и смерть, и дважды два четыре.
Был поэт в обычной жизни прост,
хорошо он знал систему ада,
по нему прошёлся, как по саду,
контрабандой музыку пронёс.

Последняя строка этого стихотворения неоднозначна.

Русский характер поэтического творчества Кати Капович, по-своему, отражён в стихотворении о поручике Толстом:

Ему коня подводят под уздцы,
он в чистом поле ищет развлечения.
Он снова проиграется в концы,
без денег возвратится в ополчение.

Отправлен на четвёртый бастион,
в осадном Севастополе куражится,
впоследствии изрядно раздражён,
от всех наград презрительно откажется.

Отсюда это русское у нас:
на самого себя взглянуть с брезгливостью
сквозь пару ледяных, колючих глаз –
ни жалости к себе, ни царской милости.

Несмотря на то, что у поэта такого склада – свидетеля времени и событий – много сюжетных стихотворений, они не воспринимаются, как повествовательные стихи, своим появлением, как уже было сказано, они обязаны лирическому началу в творчестве автора. Подтверждением тому и стихи любовной темы, и пейзажные стихи с неожиданным поворотом:

В рулоны скатывают старый снег,
я так люблю весеннее начало
и позолоту стынущих прорех,
когда дубы стоят, как аксакалы.

Вон горы голубеют высоко,
к ним тянется размытая дорога,
тумана оседает молоко,
простреливает лёгкая тревога.

На свете будут жизнь, друзья, родня,
на голубой сияющей планете.
И так прохожий смотрит на меня,
как будто бы читает мысли эти.

Подозреваю, что прохожий, и впрямь, читает мысли поэта, что откликается на стихи автора человеческая душа. Так же, как откликается она и на движение поэтической мысли:

Вышла покурить в густой ночи,
только дверь захлопнулась от ветра.
Дома позабыла я ключи,
в дверь стучала – не было ответа.

Вот бы кто-то вспомнил про меня
и впустил бы в комнату обратно,
там, где ночь темна и холодна,
и сама во всем я виновата.

В том, что я вставала в темноте,
и зачем-то по двору бродила,
и ко всей вселенской красоте
ключ искала и не находила.

Убеждён, что Катя Капович этот ключ нашла!